

Глава 30. У Фэйфэя есть невидимые крылья

— Что случилось? — раздался в трубке встревоженный голос Линь Сыняня.

Фэйфэй ответил совсем тихо, почти шепотом:

— Папа, Фэйфэй весело гулял с третьим дедушкой и братом Сяоханем, но... снаружи плохо.

«Плохо?» — Линь Сынянь нахмурился. Неужели малыша кто-то обидел? Его ведь сопровождал третий дядя, а тот вряд ли допустил бы, чтобы ребенка задела у него на глазах.

Так что же заставило кроху почувствовать себя неудобно?

— Фэйфэй, расскажи папе всё как есть, — мягко, успокаивающе произнес Линь Сынянь. — Почему там плохо? Тебя кто-то обидел?

В последнем вопросе промелькнула едва уловимая жажда расправы. Неужели Фэйфэй узнал о слухах в сети? Нет, исключено, малыш еще не умеет читать.

Фэйфэй, свернувшись маленьким комочком на стуле, на мгновение задумался, подбирая слова.

— В парке развлечений очень много взрослых и детей, — наконец произнес он.

— Да, — отозвался Линь Сынянь, давая понять, что внимательно слушает.

— Но почему... почему так много людей совсем не радуются? — продолжил кроха. — Парк такой красивый, сахарная вата такая сладкая... Почему же им грустно?

Раньше Фэйфэй почти не видел чужих людей. Конечно, он чувствовал, когда домашние расстраивались, но в его присутствии они всегда старались излучать только тепло и радость. Самым дальним его путешествием до этого дня был визит к дедушке Чу, а больше всего народу он видел в офисе отца, но тогда он был слишком занят поисками папы, чтобы смотреть по сторонам.

А в парке развлечений жизнь кипела круглые сутки.

Пока Фэйфэй играл с Чу Сяоханем, ему было не до размышлений. Но теперь, сидя на холодном железном стуле в отделении полиции и ожидая вместе с Лян Ханюем приезда его бабушки и дедушки, маленький мифический зверь — прирожденный враг печали — начал осознавать увиденное.

Впервые столкнувшись с реальностью, он не испугался, нет. Его охватило глубокое, искреннее недоумение: как в этом мире может быть столько несчастных людей?

Фэйфэй не мог этого понять — он был слишком мал. И это непонимание породило в его душе робкое отторжение к огромному внешнему миру.

— Папа, когда за Ююем приедут дедушка и бабушка, Фэйфэй поедет домой, хорошо? — пролепетал он, надеясь на согласие.

— Конечно, — тут же отозвался Линь Сынянь. — Фэйфэй может вернуться домой, когда захочет. Хочешь, папа сам приедет за тобой?

Малыш качнул головой:

— Нет, Фэйфэй вернется с третьим дедушкой.

Поговорив еще немного, они попрощались.

Как только звонок завершился, Чу Сяохань, до этого сидевший неподвижно, придвинулся ближе. Он выглядел нерешительным, но лишь на мгновение. Мальчик по-взрослому уверенно обнял кроху и ласково погладил его по мягким волосам.

— Не бойся. Я твой брат, я защищу тебя, пока мы не дома.

— Спасибо, брат Сяохань. Фэйфэй очень любит брата Сяоханя, — малыш, словно котенок, потерся макушкой о подбородок друга.

От этого жеста Чу Сяохань слегка покраснел. Ему стало щекотно, хотелось почесать подбородок, но он не разжал объятий, боясь потревожить Фэйфэя.

По сравнению с Сяоханем, Фэйфэй казался совсем хрупким птенцом, которого слишком долго оберегали от любых невзгод. Любое дуновение холодного ветра заставляло его искать защиты.

Они были почти ровесниками — Сяохань старше всего на пару лет. По идее, он должен был бы чувствовать зависть или даже неприязнь к такой изнеженности.

Но вместо этого Чу Сяохань крепче прижал к себе малыша, став для него надежной опорой в этот вечер.

Линь Гохун, наблюдая за этой сценой, довольно улыбнулся.

«Внук старика Чу — идеальный друг для нашего Фэйфэя. Посмотрите только, какая привязанность».

Лян Ханюй в это время находился в отдельной комнате. С ним беседовали представители Трибунала. Чтобы понять, что на самом деле происходит в семье, сотрудники организации всегда изолировали детей от родителей, исключая любое давление.

Когда Лян Ханюй и Фэйфэй только выбрались из бака для полотенец, их сразу заметили. Без маскировки в виде огромной корзины многие родители узнали в мальчике известного юного актера.

Поднялся невообразимый шум. Внимание толпы переключилось на Лян Ханюя, и Фэйфэй смог остаться в тени.

Приехала полиция. На допросе Лян Ханюй не стал лгать. Он прямо подтвердил, что пара, которую приняли за похитителей, — его родные отец и мать.

Но не успели родители начать изливать свой гнев на «неблагодарного сына», как мальчик при всех заявил, что требует вмешательства Ассоциации по защите детей при Трибунале. Он попросил выдать охранный ордер, ограничить контроль родителей над ним и передать право опеки дедушке и бабушке.

Если же старики не справятся в силу возраста, он был готов отправиться в приют при Трибунале, лишь бы остаться под их присмотром.

Шоу-бизнес учит быстро. Даже ребенок, вращающийся в этой среде, умеет изъясняться четко и аргументированно. Не прошло и часа, как история Лян Ханюя взорвала интернет.

«Знаменитый ребенок-актер подвергнулся жестокому обращению: мальчик прятался в мусорном баке, чтобы сбежать от родителей. Подано прошение о лишении родительских прав».

Эта новость мгновенно вытеснила из трендов опровергнутый слух о «внебрачном сыне Линь Сыняня». Поклонники Лян Ханюя рыдали от жалости: никто и представить не мог, что их любимец так страдает за закрытыми дверями.

Трибунал отреагировал молниеносно, направив следователей прямо в участок.

Лян Ханюй должен был давать показания. Его бабушку и дедушку уже известили, но пока он сидел один, и его маленькая фигурка выглядела такой одинокой, что сердце Фэйфэя не выдержало. Посоветовавшись с Линь Гохуном и Чу Сяоханем, они решили остаться в участке до конца.

Лян Ханюй ничего не сказал, но было видно, как он расслабился, почувствовав поддержку. Каким бы рассудительным он ни казался, он всё еще оставался ребенком.

В маленькой комнате для допросов следовательница мягко задавала вопросы, записывая каждое слово в блокнот.

— Малыш, скажи честно, тебя кто-нибудь учил говорить те слова в парке? — спросила она, проверяя, не стоит ли за этим чья-то манипуляция.

Лян Ханюй покачал головой:

— Нет. Я снимался в кино, там была похожая сцена. Я просто запомнил реплики.

Сначала это была просто игра, роль. Но в последнее время эти слова сами всплывали в памяти, становясь всё отчетливее.

— Расскажи мне, почему ты решил так поступить? — следовательница перешла к сути.

Лян Ханюй опустил голову. Его светло-золотистые волосы, казалось, потускнели вместе с его настроением.

— Я умею определять время по часам, но они думают, что я не понимаю. Они обманывают меня каждый день. Говорят, что я спал восемь часов, а на самом деле — всего четыре с половиной. Обещают, что съемки рекламы займут десять минут, а мы работаем три часа. Когда я спрашиваю, они говорят, что прошло всего пять минут.

Он шмыгнул носом.

— На съемках я часто голодаю, потому что иногда забываю текст. У них нет работы, в нашей семье работаю только я. Я зарабатываю деньги, но они едят лучше меня и спят дольше. Менеджер тоже им помогает. Они платят ему, чтобы он молчал. Они думают, я сплю и не слышу, но я всё слышу...

Следовательница, нахмурившись, фиксировала каждое слово. Запись разговора станет весомым доказательством.

— Мы всё проверим, — пообещала она в конце беседы. — Учитывая твои слова, мы немедленно выдадим временный охранный ордер. Пока идет расследование, ты будешь в безопасности.

— Спасибо, — прошептал мальчик, и голос его сорвался на хлип.

Когда Лян Ханюй вышел, его уже ждали дедушка и бабушка. Увидев заплаканного внука, старики едва не лишились чувств от боли. Бабушка бросилась к нему, прижимая к себе.

— Ююй, почему же ты раньше не сказал? Мы знали, что ты у нас умница и не хочешь нас расстраивать, но... Ох, радость моя, сердце кровью обливается. Пойдем, бабушка заберет тебя домой.

Услышав это, Лян Ханюй не выдержал и громко, навзрыд разрыдался на груди у бабушки.

Фэйфэй, наблюдавший за этим, тоже хлюпал носом. Он потянул Чу Сяоханя за рукав:

— Ююй такой несчастный...

Сяохань лишь покачал головой.

«Где-то теряешь, где-то находишь». Родители Лян Ханюя оказались ничтожествами, но дедушка и бабушка любили его по-настоящему. Просто они жили порознь, а из-за постоянных съемок старики почти не видели внука и не знали, как пользоваться гаджетами, чтобы следить за его жизнью.

Уже на выходе из участка Лян Ханюй наконец улыбнулся. Он помахал Фэйфэю рукой и сел в машину к дедушке. Его родители так и не появились — их задержали для допроса.

— Не забудь позвонить мне, когда вернешься! — крикнул Лян Ханюй, высунувшись из окна.

— Обязательно! — крикнул в ответ Фэйфэй.

В особняке семьи Линь кипели нешуточные страсти. Линь Госюн, узнав правду, едва не вызвал Линь Гохуна на дуэль.

— Позвонил и сказал, что ведешь Фэйфэя искать «благодатное место» для медитации, а сам потащил его в парк развлечений?!

— А что, парк — это не благодатное место? — огрызнулся Гохун, даже не пытаясь оправдываться. — Там аура радости зашкаливает!

За ужином атмосфера была наэлектризована. Два старика обменивались взглядами, в которых, казалось, проскакивали настоящие молнии.

Линь Гохун с ехидной улыбкой подложил брату лучший кусок мяса:

— Ешь побольше, старший брат. До твоего «счастливого дня» осталось всего семь дней. Надо успеть насладиться земными благами.

Фэйфэй, сидя в своем высоком стульчике, старательно орудовал ложкой в каше, переводя взгляд с одного дедушки на другого.

«Что такое счастливый день?»

Линь Сынянь, заметив любопытство сына, поспешил отвлечь его, подложив на тарелку нежную паровую булочку с кремом.

— Кстати, брат, — не унимался Гохун. — Ты бы сфотографировался, что ли. А то ты вечно камер избегаешь. Завтра выделим время, сделаем портрет. А то Ань и остальные будут скучать, а им и поплакать не над чем будет.

Линь Госюн, бывший глава элитной охраны, мог бы раскидать всех присутствующих в этой комнате одной левой. Но в словесных баталиях он всегда проигрывал младшим братьям. Раньше он мог просто дать им подзатыльник, но теперь, когда всем было под семьдесят, он боялся ненароком отправить родственников в больницу.

Линь Гошэн, вечный миротворец, поспешил вмешаться, пока кулаки старшего брата не пошли в ход. Заметив гору пакетов, которую Фэйфэй притащил из парка, он спросил:

— Фэйфэй, ты ведь сегодня впервые был в парке. Привез ли ты нам какие-нибудь подарки?

Малыш, чей рот был занят булочкой, тут же оживился и закивал:

— Привез! Фэйфэй всем-всем привез подарки!

Внимание мгновенно переключилось на ребенка. Даже Линь Гохун удивился: он думал, малыш накупил всякой всячины просто для забавы, а оказалось — думал о семье.

Линь Хань первым не выдержал и подошел к куче свертков на ковре. Он выудил забавный ободок с ушками.

— Это кому?

— Это дедушке, — серьезно ответил Фэйфэй.

Линь Хань посмотрел на милый детский ободок, потом на сурового Линь Гошэна и невольно вздрогнул. Затем он поднял второй такой же.

— А этот?

— Старшему дедушке. У третьего дедушки тоже есть, он его уже надевал, — пояснил кроха.

Линь Хань представил трех почтенных старцев в одинаковых мультяшных ободках. Картина была настолько сюрреалистичной, что он едва сдержал нервный смех.

— А почему именно это? — спросил он.

— Они красивые. Фэйфэю очень нравятся, — искренне ответил малыш.

Раз Фэйфэю нравится — значит, это лучший подарок. Линь Госюн и Линь Гошэн тут же приняли подношения, заверив внука, что они в полном восторге.

Линь Хань продолжил раскопки.

— Генератор мыльных пузырей?

— Он пускает много-много пузырьков! — Фэйфэй просиял. — Это папе и дяде.

Линь Хань нашел второй аппарат. Оставалось еще два свертка.

— А это чьи?

Малыш указал на огромный леденец:

— Это бабушке. Бабушка любит готовить.

Для Фэйфэя всё, что было связано с едой — сладкое или соленое, — относилось к ведомству кухни.

Линь Хань расхохотался, протягивая сладость улыбающейся Ян Юйин:

— Ну всё, бабуля, завтра ждем рагу из этого леденца.

Фэйфэй надул щеки, чувствуя подвох.

Ян Юйин шутливо шлепнула Линь Ханя по руке и нежно сказала внуку:

— Это же отличная карамель! Завтра бабушка приготовит тебе яблоки в карамели.

— А брату не давай, — буркнул малыш. — Брат надо мной смеется.

— Хорошо, — пообещала бабушка. — Брату не дадим.

Линь Хань покачал головой и взял последний подарок. Это была обычная коробка без опознавательных знаков.

— Значит, это моё. И что же тут...

Как только он открыл крышку, из коробки с диким скрежетом выскочил уродливый клоун на пружине!

Линь Хань едва не выронил подарок от неожиданности. Сердце ушло в пятки. Почему всем достались милые вещи, а ему — это?!

— Это брат Сяохань помог выбрать. Брату нравится? — невинно спросил Фэйфэй, болтая ножками.

«Брат Сяохань? Кто это вообще такой? Сколько у тебя еще братьев, кроме меня?!»

Линь Хань стиснул зубы и выдавил:

— Очень... Очень нравится.

Когда подарки были розданы, Фэйфэй «одолжил» у отца пузырьковую машину и ушел играть во двор с Линь Ханем. В это время в доме раздался телефонный звонок.

Звонил Чу Сяохань. Он уже собирался ложиться, но одна мысль не давала ему покоя. Поворочавшись в постели, он всё же встал и набрал номер семьи Линь.

Услышав голос Линь Сыняня, мальчик серьезно произнес:

— Дядя Линь, Фэйфэя сегодня нужно вымыть. Три раза!

Линь Сынянь опешил:

— Почему?

И тогда он узнал о «героическом» поступке сына, который залез в контейнер для полотенец, чтобы утешить нового друга. Пусть это был бак для одноразовых полотенец — для Линь Сыняня это всё равно была корзина с грязью!

— Спасибо, Сяохань, что предупредил. Я обязательно его вымою.

Тем вечером Линь Сынянь прогрел ванную до состояния тропиков. Малыш с удовольствием пускал пузыри в пене, но когда он потянулся к отцу, чтобы тот вытащил его, Линь Сынянь был неумолим.

Его вымыли второй раз. Фэйфэй не протестовал — он послушно сидел в свежей воде и продолжал играть.

Когда он снова протянул ручки, папа покачал головой:

— Еще один раз.

— У-у, папа, Фэйфэй не грязный! Фэйфэй пахнет вкусно! — малыш начал терять терпение и подставил плечико отцу под нос.

Линь Сынянь принялся и кивнул:

— Фэйфэй — папин самый ароматный малыш. Но папа хочет, чтобы ты пах еще лучше. Это специальное средство от бабушки Вана, оно очень полезное для кожи.

А главное — антибактериальное. Линь Сынянь не пропустил ни одной складочки, вымыл каждый пальчик на ногах и даже за ушками.

Только когда он убедился, что на сыне не осталось ни единого микроба из того злополучного бака, он завернул благоухающего кроху в пушистое полотенце.

Уложив Фэйфэя в пижамке под одеяло, Линь Сынянь ушел в душ, а малыш остался рассматривать свои ладошки в свете ночника.

«Стала ли кожа лучше? Вроде такая же...»

Когда отец вернулся и лег рядом, наступило их время для разговоров.

— Фэйфэй, ты сказал по телефону, что снаружи плохо и ты хочешь домой. Что именно тебе не понравилось?

Фэйфэй повернулся к отцу:

— Папа, люди на улице... они не радуются. Почему?

Линь Сынянь замер. Он не ожидал, что сын окажется таким чутким. Большинство детей воспринимают мир как данность, но Фэйфэй был иным. Линь Сынянь и сам чувствовал: с тех пор как этот малыш появился в их доме, все вокруг стали капельку счастливее.

Он не хотел слишком рано открывать трехлетнему ребенку суровую правду жизни.

— Потому что взрослые — странные существа, — мягко ответил Линь Сынянь. — У них всегда много забот, и они забывают, как радоваться. Папа раньше был таким же.

— И папа тоже? — Фэйфэй широко открыл глаза.

Линь Сынянь кивнул:

— Да, и папа. Но потом папа встретил Фэйфэя. Фэйфэй — маленький ангел, которого небо подарило папе. И теперь, когда папе грустно, стоит мне увидеть тебя — и печаль уходит.

— Фэйфэй — ангел? — малыш задумался. — А где тогда мои крылышки?

— Вот здесь, — Линь Сынянь легонько коснулся лопаток сына.

Кроха попытался обернуться:

— Где?

— Это невидимые крылья. Их видят только те, кто тебя очень любит.

Засыпая, малыш, кажется, искренне поверил, что за его спиной трепещут невидимые крылья. Перед тем как закрыть глаза, он прижал кулачки к груди отца и пробормотал:

— Папа, Фэйфэй не ангел. Фэйфэй просто малыш, который приносит всем радость.

Линь Сынянь улыбнулся, поглаживая его по спине:

— Да, ты малыш, который приносит радость. И папа сейчас очень счастлив. Спи.

А миссию по спасению всего мира от грусти можно отложить на потом. Пока что Фэйфэй был еще слишком мал для таких великих дел.

— Хорошо... — выдохнул кроха и погрузился в сладкий сон.

<http://bllate.org/book/13654/1587818>